

УДК 94 (5-012)
DOI 10.24411/1026-8804-2019-10016

Такой близкий и далёкий восток России

Татьяна Александровна Ярославцева,

доктор исторических наук, профессор Дальневосточного
института управления — филиала РАНХиГС, Хабаровск.
E-mail: mu322@mail.ru

Августина Васильевна Дробница,

доктор исторических наук, профессор Дальневосточного
института управления — филиала РАНХиГС, Хабаровск.
E-mail: avvadr@mail.ru

На страницах научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2018 г. в формате специального раздела «*Дальний Восток в российской истории: конец XX — начало XXI вв.*» ряд авторов обсудили научные концепции и их особенности, подходы к оценкам последствий радикально-рыночных реформ, результаты реализации планов развития региона и проблемы разработки стратегии развития Дальнего Востока. В статьях историков Н.Ф. Бугай, А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкой, Е.С. Волковой, В.Г. Петрович, С.И. Самсонова, А.Е. Савченко, В.Л. Ларина, С.К. Песцова, А.Б. Волынчука, Е.Г. Гарбузаровой Дальневосточный регион рассматривается в широком социально-культурном и экономическом контексте, на базе сочетания различных стратегий исследования, что является новым способом воспроизводства социальности и оценки социальной интеграции, которые также приводят к формированию новых способов научной репрезентации. Вклад авторов рубрики в историческую науку сделал доступными для научного анализа определённые ракурсы социального, не рассматривавшиеся в других подходах. Это даёт возможность отказаться от априорных конструкций и посмотреть на социальный порядок как на подвижный, открытый, связанный с соответствующим этапом исторического развития Дальнего Востока. В современной исторической науке получил развитие подход к изучению исторического наследия без какой-либо идеологической и политической подоплёки при анализе категорий, которые непосредственно характеризуют жизнь страны, отдельного региона и индивидуума. Сквозная тема всей рубрики — оценка специфических факторов исторического процесса освоения и развития Дальнего Востока, а также сохранения демографического потенциала на дальневосточной окраине России.

Ключевые слова: Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, общественно-политическая обстановка, межнациональные отношения, дальневосточные реалии, жизнь после реформ, повседневность, парадигма региональной политики, программный подход, междисциплинарные труды, информационный и аналитический капитал.

The Far East of Russia That Is So Close and So Far.

Tatiana Yaroslavtseva, Far-Eastern Institute of Management — branch of The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia. E-mail: mu322@mail.ru.

Augustina Drobnița, Far-Eastern Institute of Management — branch of The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia. E-mail: avvadr@mail.ru.

A number of authors discussed scientific concepts, characteristic features, approaches to assessing the consequences of radical market reforms, the implementation results of the plans for the development of the region and the problems of strategy generation for the development of the Far East on the pages of the scientific journal “Historical and Socio-Educational Thought” for 2018 in the format of a special section “*The Far East in Russian History: the End of the Twentieth — the Beginning of the Twenty-First Centuries*”. In their works the historians N.F. Bugai, A.S. Vashchuk, E.N. Chernolutskaia, E.S. Volkova, V.G. Petrovich, S.I. Samsonova, A.E. Savchenko, V.L. Larin, S.K. Pestsov, A.B. Volynchuk and E.G. Garbuzarova view the region of the Far East in a broad socio-cultural and economic context based on a combination of different research strategies. This is a new way of reproducing sociality and assessing social integration, and these strategies also lead to the formation of new ways of scientific representation. The authors’ contribution to historical science made certain social perspectives accessible for scientific analysis, which were not taken into consideration in other approaches. That makes it possible to abandon a priori constructions and look at the social order as a mobile, open process related to the relevant stage of the historical development of the Far East. In modern historical science, there has been developed an approach to the study of historical heritage without any ideological and political underlying reason for the analysis of categories that directly characterize the life of the country, a particular region and an individual. The cross-cutting theme of the entire section is the evaluation of specific factors of the historical process of the development of the Far East, as well as the preservation of the demographic potential in the Far Eastern outskirts of Russia.

Keywords: Far East, Asia-Pacific Region, socio-political situation, interethnic relations, Far Eastern realities, life after reforms, daily life, the paradigm of regional policy, program approach, interdisciplinary works, information and analytical capital.

Открывает рубрику статья д-ра ист. наук Н.Ф. Бугай «*Общественно-политическая обстановка на Дальнем Востоке: китайцы в советском строительстве. 1920—1940-е годы*» [1]. Анализируя общественно-политическую обстановку, в частности отдельные меры по обеспечению продовольствием дальневосточников, автор указывает на то, что «китайцы и корейцы выступали своеобразными конкурентами» [1, с. 17] в организации торговой деятельности в регионе. Н.Ф. Бугай отмечает, что в целях упрочения государственной власти, совершенствования процессов управления системой межнациональных отношений в стране принимались комплексные меры. Так, этнические меньшинства вовлекались в государственное и национальное строительство: были созданы

15 национальных райисполкомов, среди которых значились 13 украинских, 1 еврейский, 1 корейский. В ноябре 1937 г. в Дальневосточном крае функционировали 3 китайские школы (182 учащихся) и 278 корейских школ (22 938 учащихся).

По мнению автора, роль этнических меньшинств в развитии Дальнего Востока недостаточно отражена в историографии проблематики. Хотя тема заслуживает внимания уже потому, что в октябре 1935 г. в Еврейской автономной области (образована 7 мая 1934 г.) численность корейцев составляла 2539 чел. (5%), китайцев — 184 чел. (0,3%), евреев — 10 349 чел. (19,6%), русских — 33 780 чел. В то же время в Хабаровском крае проживало 3898 китайцев. В современных условиях данные органов статистики РФ показывают неоднократное увеличение численности населения на Дальнем Востоке, что делает более актуальной обозначенную Н.Ф. Бугай проблематику.

Следует согласиться с автором, что «пока исторической наукой накоплено недостаточно данных об этнических группах в регионе, особенно корейцах и китайцах» [1, с. 23], и это провоцирует появление вопросов дискуссионного характера в историографии принудительных переселений, расселения корейцев и китайцев.

Д-р ист. наук А.С. Ващук в статье «*Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX — начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов*» исследует роль в истории РФ указанного периода Дальнего Востока. По мнению автора, государственная «активность на Востоке — необходимое условие для нового этапа в развитии России» [2, с. 30].

Как отмечает автор, историографическое прочтение дальневосточной политики нацелено не только на сравнение отдельных научных точек зрения, но и на сопоставление трёх видов информационно-аналитических ресурсов, которые в одно и то же время формировали её тематическое поле на уровне идей, принятия решений и анализа их результатов. Для объективности необходимо быть готовым к индивидуальному обретению знаний об историографическом процессе, к самостоятельному и тонкому прочтению результатов очевидного или неочевидного консенсуса дискурсов различных гуманитарных дисциплин [2, с. 31].

Как отмечает этот и другие исследователи, в русле общего настроения гуманитариев 2000-х по отношению к 1990-м чаще всего высказывались критические замечания по поводу столичной бюрократии, которая проявляла инерцию в разработке документов, связанных с Дальним Востоком. В научной среде даже закрепился тезис о «забвении региона Центром», который стал основным для междисциплинарной солидарности исследователей, экспертов [2, с. 33]. Кроме того, этот настрой стал отражать признаки нестабильности в обществе, а сами выводы свидетельствовали об утрате социально-политического единства.

В современных условиях политика государства по отношению к Дальнему Востоку меняется. Серьёзно обсуждаются вопросы дальнейшего развития этого федерального округа, в частности — идея разделить Дальний Восток на три типа регионов, которым государство будет уделять внимание согласно их статусу. В понимании чиновников, получивших от учёных интеллектуальную поддержку, надо выделить регионы — точки развития, регионы — точки роста и регионы — точки присутствия [2, с. 36].

Так, в 2000-х гг. были организованы особые экспертные площадки мирового уровня для обсуждения дальневосточной тематики, где политики, учёные, бизнесмены фиксировали общую картину положения дел на Дальнем Востоке,

раскрывали свои планы по отношению к территории (Форум АТЭС-2012, Восточные экономические форумы, Международный дискуссионный клуб «Валдай» и др.). Обзор докладов участников этих площадок позволяет оценивать роль и место гуманитариев в движении на Восток в рамках научно-технологического сопровождения дальневосточной политики. Анализ освещения проблем региона на дискуссионных площадках формирует и новый ракурс современного историографического жанра. Автор отмечает, что часть интеллектуалов видит будущее в «повороте на Восток», в котором ресурсный сектор должен не только создавать рабочие места, но и служить ядром для развития высокотехнологичных отраслей, привязанных к нему и сконцентрированных, как правило, в крупнейших городах [2, с. 38].

По мнению А.С. Ващук, процесс исследования поворота России на Восток, как зеркало, отражает сложный характер перехода от парадигмы комплексного развития производительных сил региона к пространственной экономике, составляющей которой является неравномерность развития. В целом в научной литературе создаётся общая картина предпосылок и причин пересмотра роли Дальнего Востока в дальнейшей политической повестке.

Таким образом, нам представляется обоснованным мнение А.С. Ващук о том, что в XXI в. дальневосточная проблематика становится частью отечественной истории.

Ссылаясь на итоги проведённого совместно с Л.А. Моисеевой исследования по истории предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в. [7], А.С. Ващук констатирует, что «восточным исследователям удалось создать солидный информационный и аналитический капитал, позволяющий раскрыть дальневосточные реалии 1990-х гг. как системное отражение специфики российской трансформации, выявить взаимосвязи между дальневосточной политикой и характером проведения приватизации, доминированием разрушительных последствий, высокой степенью присутствия деструктивных практик в предпринимательской деятельности, в государственном партнёрстве с бизнесом». С автором следует согласиться в том, что вклад каждого исследователя будет способствовать объективному пониманию процесса развития отечественной истории как науки.

Е.Н. Чернолуцкая в статье *«Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990 — начале 2000-х гг.»* [13] отмечает, что со времени проведения политических реформ России конца 1980-х — начала 1990-х гг. центральное место в работах специалистов по внутренним проблемам региона занимает вопрос о власти, который рассматривается главным образом в рамках концепции центр-периферийных отношений. В немногих трудах, изучающих развитие региона в новых условиях, объединяющей сверхзадачей остаётся выявление геополитических позиций русского Дальнего Востока, его места и перспектив участия в международной экономике и политике. Такая нацеленность определила специализацию исследований: в основном это работы международников, политологов, экономистов, а также междисциплинарные труды с их участием и, как правило, с отраслевым подходом, в рамках которого анализируются миграции, торговля, транспорт, природные ресурсы, ВПК и т.д.

По мнению автора, зарубежные публикации, как правило, являются откликом на недавнее прошлое: исследователи рассматривают относительно короткие

(для исторической науки) этапы протяжённостью не более 10—15 лет. Расширение хронологии и тематики работ идёт параллельно развитию самих изучаемых процессов, и учёные в этих условиях чаще всего выступают в роли комментаторов текущих событий. Ряд позиций англоязычных авторов носит дискуссионный характер, в некоторых трудах присутствуют и тенденциозные оценки.

Активность в изучении истории российского Дальнего Востока зарубежными исследователями в разные периоды обуславливалась, прежде всего, местом и ролью Дальневосточного региона в АТР, наличием факторов, определяющих его силу и слабость в международном контексте.

В статье Е.С. Волковой «Жизнь после реформ: практики выживания дальневосточников на рубеже XX—XXI вв. в зеркале художественной литературы» [3] осуществлён оригинальный анализ эпистемологической специфики микроистории и микросоциологии. Автор аргументированно доказывает, что художественные произведения могут выступать в качестве «микроскопа», посредством которого локализуются наблюдения общественных процессов, происходящих в регионе, и это позволяет открыть новые механизмы конструирования воспроизводимых социальных порядков.

Применение подобной стратегии исследования позволяет поменять местами центральное и периферийное и «увидеть в малом фрагменте социального универсума не только аспект, но и целое». Эти процессы способствуют возрастанию научного интереса к локальным формам бытия социального.

В частности, автором проанализирована проблема соотношения общественного бытия и общественного сознания, которые есть социальная реальность, тотальность, где и происходит развёртывание человеческого присутствия в обществе. Повседневная деятельность носит конкретно-исторический характер. Содержание повседневности определяется условиями социально-предметного контекста, в котором каждый конкретный человек через своё сознание отражает и фиксирует характер бытия.

В основу статьи положены литературные произведения, которые были опубликованы на протяжении последней четверти XX в. и в которых нашли отражение дальневосточные реалии 1990—2000-х гг. Примечательно, что Е.С. Волкова рассматривает художественную литературу как важный источник для изучения постсоветского периода, позволяющий воссоздать социально-исторические типы поведения, образ мышления и общественные настроения, отследить трансформацию структур повседневности.

В художественных текстах автор выявляет отражение последствий радикальных реформ, которые привели к резкому расслоению населения, причём на Дальнем Востоке показатели дифференциации были выше среднероссийских. Ссылаясь на данные статистики, Е.С. Волкова отмечает, что падение реальных денежных доходов в Дальневосточном регионе являлось более ощутимым, чем в среднем по России. Так, в Чукотском автономном округе с 1991 по 1998 г. они снизились почти в 50 раз, в Корякском автономном округе, на Сахалине и Камчатке — в 25 раз, тогда как в самом депрессивном регионе европейской части страны — в 17 раз [12, с. 284]. В пореформенный период сокращения работников приобрели массовый характер, на Дальнем Востоке, как и по всей стране, произошёл развал предприятий и целых отраслей промышленности. Резкая дифференциация по уровню доходов стала одним из факторов, способствовавших росту политической активности населения.

Подводя итог, автор делает вывод о том, что художественные произведения позволяют не только проиллюстрировать данные статистики и официальных документов, но существенно их дополнить, приблизить к конкретному человеку с учётом региональной специфики, создают эффект погружения в постсоветскую реальность рубежа XX—XXI вв.

Действительно, литературные источники можно рассматривать в качестве вспомогательного материала для любого исследования. Однако степень объективности вызывает больше вопросов, чем достоверность приведённых в произведениях событий. Описывая повседневную жизнь людей в художественных произведениях, авторы применяют литературный вымысел, что не позволяет расценивать данный источник в качестве базы для исторического анализа событий действительности.

Так, деиндустриализация, демодернизация, разрушение социальной инфраструктуры, примитивизация человеческого существования — все эти процессы находят отражение в художественной литературе постсоветского периода. Вместе с тем, как справедливо отмечает Е.С. Волкова, дальневосточные писатели в своих произведениях ставят вопрос о цене выживания и о приоритетах, которые каждый расставляет для себя сам. Субъективизм может оказаться «шумом» для реальной действительности, и исследователям данный факт следует учитывать.

Интенсивность миграционных потоков, причины их спада или усиления анализируют В.Г. Петрович и С.И. Самсонов [9]. В статье «Саратовское Поволжье и Дальний Восток: третье столетие отношений» авторы уделяют особое внимание не только выходцам из Саратовского Поволжья, основавшим поселения в Амурской и Приморской областях Российской империи, но и перспективам современного переселения. Приоритетная роль в этом отводится программе «Дальневосточный гектар».

Основываясь на данных Агентства по развитию человеческого капитала, авторы полагают, что больше всего бесплатными гектарами на Дальнем Востоке интересуются жители Саратовской области: они просмотрели портал «На Дальний Восток.рф» более 600 тыс. раз.

Высказывая критические замечания о реализации программы, авторы полагают, что разработчикам следовало принять во внимание «миграционный опыт, полученный в ходе реализации аграрной реформы П.А. Столыпина» [9, с. 97]. Основное преимущество «стольпинского» проекта в том, что он учитывал ценностные ориентиры россиян того времени: владение землёй в глазах «тогдашних» жителей страны было главным показателем богатства, сулившим безбедное существование населению преимущественно аграрной России.

Заслуживает особого внимания вывод авторов о том, что, «только учитывая накопленный поколениями россиян опыт освоения Дальнего Востока, традиционную связь регионов России, обеспечивая переселенцев всем необходимым и льготами не хуже вековой давности, можно обеспечить приоритетное развитие Дальнего Востока» [9, с. 99].

Утверждение В.Г. Петрович и С.И. Самсонова о необходимости активизировать исследования историков, демографов, экономистов по проблемам развития региона, организовать грантовую поддержку подобных работ не вызывает возражений.

Критические замечания о реализации программ на Дальнем Востоке высказывает А.Е. Савченко в статье «В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX — начале XXI века» [10].

По мнению автора, «любая государственная программа, рассчитанная на быстрое изменение ситуации в регионе, будет заведомо невыполнимой» [10, с. 104].

Идеи из сферы науки и большой политики, которым суждено воплотиться в государственные решения по развитию Дальнего Востока, концепции и программы, устремления региональных правителей — всё это должно быть соотнесено с параллельно существующими институтами, практиками и материальными структурами, создающими стимулы и барьеры для политической и хозяйственной бюрократии. Для долгосрочного прогресса региона более важным представляется обеспечение стабильных и благоприятных макроэкономических условий.

Утверждение автора о том, что «программный подход может выступать скорее лишь одним из элементов дальневосточной политики, призванным решать узкие специфические задачи — развитие конкретных отраслей и реализацию локальных проектов территориального развития» [10, с. 111], носит дискуссионный характер. Это, несомненно, повышает интерес исследователей к данной проблематике.

Стратегии развития Дальнего Востока посвящены статьи В.Л. Ларина, С.К. Песцова и А.Б. Волынчука, Е.Г. Гарбузаровой. Несомненной удачей авторов стало достаточно последовательное и оригинальное исследование проблематизации субъекта исторического познания с учётом рациональности в изменяющемся мире. На фоне несмолкающих пророчеств о «закате» научной рациональности, об «упразднении границ между научным и ненаучным знанием» анализ новых форм и воплощений социально-гуманитарного измерения научной рациональности — задача назревшая и неотложная. Материал, содержащийся в статьях авторов, несомненно, является вкладом в историческую науку и основой для дальнейших исследований.

По мнению д-ра ист. наук В.Л. Ларина [6], вызовы для России, идущие с Востока, имеют преимущественно фундаментальный характер. Они существуют по причине слабой освоенности тихоокеанских владений и неуверенности Москвы в прочности позиций РФ на восточных рубежах.

Автор выделяет и анализирует сущность и воздействие трёх базовых вызовов, ответы на которые обуславливают политику российской власти в отношении региона: угроза его утраты под воздействием внутренних и внешних факторов; периферийный статус и отстающее сырьевое развитие; современные евразийские интеграционные проекты Москвы, Пекина и Сеула.

В.Л. Ларин указывает на то, что крутой поворот в очередной раз меняет статус и миссию Тихоокеанской России — от «моста» между Евразией и АТР и «платформы для интеграции России в АТР» к восточной окраине «Большой Евразии». При этом тема вызовов и угроз развитию Тихоокеанской России не очень активно обсуждается в отечественной академической среде, однако время от времени поднимается в западной литературе и увязывается с растущим экономическим и демографическим присутствием Китая в этом регионе нашей страны.

Действительно, президент РФ В.В. Путин в ноябре 2012 г. публично признал, что «Дальний Восток отстаёт и от соседей по АТР, и от других регионов Российской Федерации» [5]. С целью ослабить проблему периферийности и отстающего развития Тихоокеанской России были приняты программы, такие как «Дальневосточный гектар», создание ТОРов и др. Однако, как отмечает В.Л. Ларин, «первые

результаты их деятельности вселяют большое сомнение в способность этих инструментов решить» [6, с. 72] проблемы региона во втором десятилетии XXI в.

В статье показано, что евразийский сюжет проявился в переключении внимания политологического сообщества на обсуждение «Большой Евразии» и заметном снижении его интереса к Дальнему Востоку. Автор констатирует, что снижение этого интереса в условиях кардинально меняющегося геополитического расклада в регионе как раз и представляет собой новую и вполне реальную угрозу для России. По его мнению, в подобных условиях крайне сомнительной становится возможность реализации на данной территории серьёзных проектов азиатских соседей РФ, за исключением инфраструктурных. Именно поэтому сопредельные страны «не подкрепляют свои теоретические выкладки активными действиями и ждут реакции Москвы». В.Л. Ларин отмечает, что отсутствие внятной реакции и эффективной политики последней как раз и может стать реальной угрозой в ближайшем будущем.

В контексте разворачивающейся в последние годы дискуссии о так называемой новой парадигме региональной политики С.К. Песцов и А.Б. Волынчук рассматривают её основные черты и особенности в статье «*Стратегия развития Дальнего Востока: (не)типичный случай современной российской региональной политики*» [8]. В ней анализируются сильные и слабые стороны новой региональной политики, даётся оценка её эффективности. По мнению авторов, несмотря на оптимистические отчёты о создаваемых ТОРах, новых предприятиях и росте инвестиций, Дальний Восток остаётся в числе трёх федеральных округов с самым заметным падением реальных доходов населения, что продолжает служить причиной сохраняющегося оттока его жителей. Так, в 2018 г. Дальний Восток России предположительно потеряет ещё около 30 тыс. чел. По прогнозу Федеральной службы государственной статистики, тенденция сокращения населения в регионе сохранится вплоть до 2036 г., с 6182,7 тыс. чел. в 2017 г. до 6132,2 тыс. в 2019 г. (–50,5 тыс.), 5989,7 тыс. в 2030 г. (–142 тыс.) и 5961,9 тыс. в 2036 г. (–27,8 тыс.). С.К. Песцов и А.Б. Волынчук констатируют, что даже поверхностный анализ планов и практических действий, связанных с разворотом РФ в Азию и развитием Дальнего Востока, не даёт оснований для оптимизма. Стратегия развития Дальнего Востока является нетипичным вариантом российской региональной политики, демонстрирующей весьма скромную эффективность.

Сотрудничество Москвы и Пекина в контексте сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс — один путь» принесёт весомые преимущества Дальнему Востоку, считает Е.Г. Гарбузарова [4]. По её мнению, оно станет главным фактором, удерживающим российский и китайский интеграционные проекты от недружественной конкуренции. С автором можно согласиться в том, что правительству РФ необходимо последовательно и терпеливо продвигать собственную концепцию на Дальнем Востоке, в основе которой лежат следующие ключевые принципы: защита территории, развитие торгово-экономических отношений и привлечение инвестиций, укрепление российско-китайского сотрудничества.

В целом материал, представленный в рубрике «*Дальний Восток в российской истории: конец XX — начало XXI вв.*», послужит базой для дальнейшего исследования и осмысления истории региона и его роли в развитии страны. Статьи авторов рубрики, несомненно, являются весомым вкладом в историческую науку.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бугай Н.Ф. Общественно-политическая обстановка на Дальнем Востоке: китайцы в советском строительстве. 1920—1940-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 13—29.
2. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX — начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 30—45.
3. Волкова Е.С. Жизнь после реформ: практики выживания дальневосточников на рубеже XX—XXI вв. в зеркале художественной литературы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 46—57.
4. Гарбузарова Е.Г. Дальний Восток России в контексте сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс — один путь»: перспективы и риски // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 58—64.
5. Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990> (дата обращения: 01.09.2018).
6. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в «Большой Евразии» начала XXI века: вызовы и ответы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 65—81.
7. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
8. Песцов С.К., Волинчук А.Б. Стратегия развития Дальнего Востока: (не)типичный случай современной российской региональной политики // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 82—92.
9. Петрович В.Г., Самсонов С.И. Саратовское Поволжье и Дальний Восток: третье столетие отношений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 93—103.
10. Савченко А.Е. В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX — начале XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 104—113.
11. Савченко А.Е. Дальний Восток конца XX — начала XXI в. как «зеркало» системных проблем российского государства // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 8—30.
12. Стратегия для России: Повестка дня для президента — 2000 / Совет по внешней и оборонной политике. М.: Вагриус, 2000. 352 с.
13. Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990 — начале 2000-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 114—123.

REFERENCES

1. Bugai N.F. Obshchestvenno-politicheskaya obstanovka na Dal'nem Vostoke: kitaytsy v sovetskom stroitel'stve. 1920—1940-ye gody [Socio-Political Situation in the Far East: Chinese People in the Soviet Construction. 1920—1940]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 13—29. (In Russ.)
2. Vashchuk A.S. Dal'nevostochnaya politika postsovetskoy Rossii v kontse XX — nachale XXI v.: kontseptsii, ekspertnyye mneniya i tochki zreniya publitsistov [Far Eastern Policy of Post-Soviet Russia in the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries:

- Concepts, Expert Opinions and Publicists' Points of View]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 30—45. (In Russ.)
3. Volkova E.S. Zhizn' posle reform: praktiki vyzhivaniya dal'nevostochnikov na rubezhe XX—XXI vv. v zerkale khudozhestvennoy literatury [Life after Reforms: Survival Experience of the People of the Far East at the Turn of the Twentieth and the Twenty-First Centuries. In the Mirror of Fiction]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 46—57. (In Russ.)
 4. Garbuzarova E.G. Dal'niy Vostok Rossii v kontekste sopryazheniya Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i kitayskogo proyekta "Odin poyas — odin put'": perspektivy i riski [The Far East of Russia in the Context of Relations between the Eurasian Economic Union and the Chinese Project "One Belt — One Way": Prospects and Risks]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 58—64. (In Russ.)
 5. *Zasedaniye prezidiuma Gossoveta. 29 noyabrya 2012 g.* [The Meeting of the Presidium of the State Council. November 29, 2012]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/16990> (accessed 01.09.2018). (In Russ.)
 6. Larin V.L. Tikhookeanskaya Rossiya v "Bol'shoy Yevrazii" nachala XXI veka: vyzovy i otvety [Pacific Russia in the "Big Eurasia" at the Beginning of the Twenty-First Century: Challenges and Answers]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 65—81. (In Russ.)
 7. Moiseyeva L.A., Vashchuk A.S. *Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX — nachale XXI v.* [The History of Entrepreneurship in the Far East of Russia in the Late Twentieth Century — in the Early Twenty-First Century]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2006, 348 p. (In Russ.)
 8. Pestsov S.K., Volynchuk A.B. Strategiya razvitiya Dal'nego Vostoka: (ne)tipichnyy sluchay sovremennoy rossiyskoy regional'noy politiki [The Strategy for the Development of the Far East. A (Non) Typical Case of Contemporary Russian Regional Policy]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 82—92. (In Russ.)
 9. Petrovich V.G., Samsonov S.I. Saratovskoye Povolzh'ye i Dal'niy Vostok: tret'ye stoletiyе otnosheniy [The Saratov Volga Region and the Far East: The Third Century of Relations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 93—103. (In Russ.)
 10. Savchenko A.E. V poiskakh klyucha. Programmnyy podkhod k razvitiyu Dal'nego Vostoka v kontse XX — nachale XXI veka [In Search of a Key. A Programmed Approach to the Development of the Far East in the Late Twentieth and in the Early Twenty-First Centuries]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 104—113. (In Russ.)
 11. Savchenko A.E. Dal'niy Vostok kontsa XX — nachala XXI v. kak "zerkalo" sistemnykh problem rossiyskogo gosudarstva [The Far East in the Late Twentieth and in the Early Twenty-First Centuries as a "Mirror" of the Systemic Problems of the Russian State]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4, pp. 8—30. (In Russ.)
 12. *Strategiya dlya Rossii: Povestka dnya dlya prezidenta — 2000* [Strategy for Russia: Agenda for the President — 2000]. Ed. by Council on Foreign and Defense Policy. Moscow, Vagrius Publ., 2000, 352 p. (In Russ.)
 13. Chernolutsкая E.N. Angloyazychnaya istoriografiya o politicheskikh transformatsiyakh na Dal'nem Vostoke Rossii v 1990 — nachale 2000-kh gg. [English-Language Historiography on Political Transformations in the Far East of Russia in the 1990s — in the Early 2000s]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 3-1, pp. 114—123. (In Russ.)